Духъ разрушающій есть духъ созидающій. *У рабочихъ нѣтъ отечества.*

Рабочее Знамя

Органъ русскихъ анархистовъ-коммунистовъ.

№ 6. **Женева. Августъ 1916.** **№ 6**

Библіотека ИМЭЛ

СОДЕРЖАНІЕ:

Руки прочь!
Оводъ. Съ Бакунинымъ или Кропоткинымъ.
Домела Ньювенгуйсъ. Заявленіе.
Ал. Ге. Отвѣтъ Брошé
Рабочій. О рабочемъ національнизмѣ.
Рабочій Т. Самсоновъ. О желудочномъ факторѣ въ революціи.
Ал. Ге. Толстой и война.
Л. Н. Толстой. О войнѣ и военномъ дѣлѣ.
Къ товарищамъ.
Кассовый отчетъ „Р. З.“.
Подписной листъ Ливерпульской Группы.
Новый адресъ!

РУКИ ПРОЧЬ!

Съ чувствомъ глубочайшаго негодованія останавливаемся мы на появившемся въ печати манифестѣ анархо-траншейниковъ, — этомъ немощномъ дѣтищѣ коллективнаго анархо-патріотическаго творчества.

До сихъ поръ мы ограничивались только рѣзкой критикой идейныхъ позицій Кропоткина и его сотоварищей. Мы не хотѣли, изъ уваженія къ почетному прошлому нашихъ стариковъ, заклеймить по заслугамъ ихъ позорное настоящее. Сегодня мы вынуждены произнести жестокое и, къ сожалѣнію, правдивое слово:

Передъ нами фактъ небывалаго въ исторіи революціонной мысли идейнаго ренегатства.

Отличительной чертою Анархизма всегда была его крайняя непримиримость. Сущность анархическаго ученія *абсолютно* исключаетъ союзъ пролетаріата съ буржуазіей, при какихъ бы то ни было условіяхъ. Анархизмъ неустанно подчеркивалъ, что *„нѣтъ и не можетъ быть такого историческаго момента, который требовалъ бы отъ пролетаріата союза съ буржуазными партіями, и что между пролетаріатомъ и буржуазіей нѣтъ другого общаго поля дѣйствія, кромѣ поля битвы, гдѣ каждый изъ противниковъ старается зарыть другого въ могилу“.*

Эта непримиримость вытекаетъ *изъ сущности* анархической концепціи и составляетъ *основу* нашей тактики. Отрицать ее — значитъ отрицать Анархизмъ, вырывать изъ подъ него почву, лишать его смысла и содержанія.

Это и дѣлаютъ авторы манифеста. Отъ имени Анархизма и подъ флагомъ его они призываютъ рабочихъ сплотиться подъ правительственными знаменами, объединиться съ буржуазными партіями и выступать совмѣстно съ ними. Вмѣсто того, чтобы призвать пролетаріатъ, какъ дѣлалъ это во время франко-прусской войны Бакунинъ, къ сверженію буржуазіи и организаціи революціонной самозащиты, они призываютъ его къ рабской покорности правительствамъ „національной обороны“ и къ безпрекословному повиновенію приказамъ военныхъ властей. Они объявляютъ несуществующими преемственность революціонныхъ нормъ, святость революціонныхъ традицій Анархизма и непрерывность революціонной борьбы между рабами и рабовладѣльцами.

Вмѣсто борьбы за освобожденіе отъ рабства они призываютъ пролетаріатъ и крестьянство къ защитѣ оковъ, которыми держитъ ихъ въ подчиненіи буржуазное Государство. Они зовутъ къ сотрудничеству съ буржуазіей и къ перемирію съ нею въ моментъ „національной“ опасности. Изъ международныхъ революціонеровъ и антигосударственниковъ они превратились въ защитниковъ своихъ отечествъ, стали націоналистами и государственниками. *Ибо кто хоть на минуту допускаетъ, что буржуазное Государство можетъ приносить пользу и быть орудіемъ прогресса, тотъ перестаетъ быть анархистомъ и становится государственникомъ.*

Они признали за опредѣленными *государственными* группировками роль прогрессивнаго историческаго фактора и признали за ними право *осуществлять власть* во имя спасенія „высшихъ“ культурныхъ цѣнностей.

Этимъ они отреклись отъ Анархизма.

Но они не просто отреклись и устранились. Отрекшись, они тотчасъ призвали рабочихъ служить дѣлу буржуазіи.

Этимъ они *измѣнили* Анархизму.

И наша обязанность — сказать имъ: *Вы — ренегаты*! Вы не имѣете никакого права выступать подъ флагомъ Анархизма. Руки прочь отъ революціоннаго рабочаго движенія!

Съ Бакунинымъ или Кропоткинымъ?

Документъ, на которомъ намъ приходится остановить вниманіе товарищей, пресловутый „манифестъ анархистовъ“, съ шумомъ и злорадствомъ подхваченный всей буржуазной печатью Четверного Согласія, является наиболѣе позорнымъ изъ всѣхъ соціалъ-патріотическихъ произведеній военнаго времени.

Когда на точку зрѣнія демократическаго патріотизма встала, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, международная соціальдемокр тія, то она этимъ не отказывалась отъ своихъ принциповъ, не измѣняла своей программѣ. У соціальдемократіи есть программа-минимумъ, включающая требованія о постепенномъ усовершенствованіи рабочаго законодательства и о постепенной демократизаціи государственныхъ формъ. Поэтому вполнѣ понятно и естественно, что различныя секціи соціальдемократическаго Интернаціонала въ моментъ объявленія войны, какъ и въ позднѣйшихъ ея стадіяхъ, сочли для себя не только возможнымъ, но и обязательнымъ примкнуть къ защитѣ своихъ болѣе демократическихъ отечествъ противъ своихъ менѣе демократическихъ противниковъ. Эта схема была использована Бетманъ-Гольвегомъ и Шейдеманомъ, чтобы одурачить нѣмецкія народныя массы указаніемъ на опасности, грозящія культурной Германіи отъ нашествія на нее дикихъ ордъ кроваваго царя; и она также успѣшно была использована Бріаномъ и Ллойдъ-Джорджемъ, при пособничествѣ ихъ національныхъ соціалистовъ, по отношенію къ французскому и англійскому народамъ противъ нѣмцевъ. Конечно, соціальдемократическіе лидеры и парламентаріи вездѣ превосходно знали, что настоящая война вовсе не крестовый походъ во имя принципа, а что она захватная, имперіалистическая. Но они всегда и прежде всего были государственниками, а принципъ Государственности неразрывно связанъ съ патріотизмомъ и національнизмомъ.

У Анархизма же никакой программы-минимумъ никогда не было. Мы всегда были максималистами, антигосударственниками независимо отъ формъ правленія и антимилитаристами. Будучи антигосударственниками, мы тѣмъ самымъ были и антидемократами.

Поэтому анархисты, объявляющіе себя сторонниками одной изъ воюющихъ другъ съ другомъ государственныхъ группировокъ, на основаніи ея большей демократичности, и призывающіе къ вооруженной защитѣ ея, тѣмъ самымъ становятся государственниками и милитаристами и перестаютъ быть анархистами. Въ то время, какъ соціалисты-государственники, надѣвая на себя военные доспѣхи и идя въ траншеи, ничему не измѣняютъ, анархисты-траншейники являются по отношенію къ Анархизму измѣнниками, ренегатами. Вотъ почему мы имѣемъ право сказать, что манифестъ Кропоткина и прочихъ анархо-траншейниковъ, имѣя въ основѣ своей ренегатство, представляетъ собою наиболѣе позорный изъ всѣхъ соціалъ-патріотическихъ документовъ военнаго времени.

Раньше всего авторы манифеста устанавливаютъ, — съ этого они начинаютъ свою измѣну Анархизму, — что анархисты всегда были противъ наступательныхъ войнъ. Позорный экивокъ! Анархисты никогда не дѣлали различія между наступательными и оборонительными войнами. Анархисты всегда утверждали, что войны между современными Государствами — неизбѣжное слѣдствіе капиталистическаго правопорядка и что войны станутъ невозможными только тогда, когда капиталистическій строй рухнетъ. Анархисты всегда были абсолютными антимилитаристами, а не условными, не только по отношенію къ „наступательнымъ“ войнамъ.

Бакунинъ, на Конгрессѣ Лиги Мира и Свободы, вскрывая сущность Государства, предостерегалъ противъ подобной концепціи, противъ искусственнаго дѣленія войнъ на „оборонительныя“ и „наступательныя“. Онъ говорилъ:

> „То, что справедливо относительно Россіи, должно быть также справедливо относительно Европы. Сущность религіозной, бюрократической и военной централизаціи вездѣ одинакова. Она цинично груба въ Россіи, прикрыта конституціонной, болѣе или менѣе лживой личиной въ цивилизованныхъ странахъ запада. Но принципъ ея все одинъ и тотъ же — насиліе. Насиліе внутри подъ предлогомъ общественнаго порядка; насиліе внѣшнее подъ предлогомъ равновѣсія... Чѣмъ теперь заняты правительства? Они вооружаются другъ противъ друга. Всюду затѣваются чудовищныя вооруженія... Всеобщій миръ будетъ невозможенъ, пока существуютъ нынѣшнія централизованныя Государства“.

Исходя изъ положенія, что Германія является въ настоящей войнѣ стороной нападающей, а Англія и Франція — сторонами, подвергшимися гнусному нападенію и потому вынужденными къ самозащитѣ, авторы манифеста говорятъ: „Вотъ почему мы приняли сторону защищающихся и думали, что невозможно отдѣлиться отъ народа“. Какое лицемѣріе! Вѣдъ даже Плехановъ вынужденъ былъ громогласно признать, что „общеевропейской войны все таки не было бы, если бы Россія не ополчилась на защиту Сербіи“. Но если даже допустить, что войну начала Германія, — развѣ это хоть сколько нибудь измѣняетъ тотъ фактъ, что всѣ Государства готовились къ ней и подготовляли ее?

Вставъ на сторону „демократической части Европы“, авторы манифеста провозгласили перемиріе между классомъ эксплуатируемыхъ и классомъ эксплуататоровъ. По ихъ мнѣнію, всякое революціонное вмѣшательство массъ повредило бы дѣлу національной защиты. Вполнѣ естественно, что они возстали бы въ данный моментъ и противъ революціонной пропаганды въ Россіи, ибо царскія войска помогаютъ Англіи и Франціи защищаться. Русская революція, какъ равно и революція въ любой изъ „защищающихся“ странъ, съ ихъ точки зрѣнія была бы только на пользу нѣмцамъ. Мотивируютъ многіе изъ нихъ такое свое умонастроеніе, между прочимъ, и тѣмъ, что „демократическія союзницы“ послѣ войны повліяютъ на измѣненіе внутренней политики Россіи.

Въ свое время и передъ Бакунинымъ стоялъ вопросъ о революціонномъ дѣйствіи во время войны и онъ такъ отвѣтилъ на него:

> „Да, я громко отрекаюсь отъ русскаго государственно-императорскаго патріотизма и буду радоваться разрушенію Имперіи, откуда бы оно ни пришло. Разумѣется я не пойду въ Россію вслѣдъ за французами, англичанами, шведами и ихъ друзьями поляками, но если можно будетъ пробраться во внутрь Россіи и въ самое время иностранной войны поднять крестьянство, то сдѣлаю это съ полнымъ сознаніемъ, что исполняю святой долгъ и служу великому русскому дѣлу“.

Еще болѣе категоричен отвѣтъ, который Бакунинъ даетъ на этотъ вопросъ въ „Письмахъ къ одному французу“. Въ то время — это было въ 1870 г. — Франція тоже находилась въ войнѣ съ Германіей и часть ея была оккупирована нѣмецкими войсками. Казалось бы, нѣтъ ничего проще, какъ провозгласить всеспасительный лозунгъ „отливайте пушки!“. Но для революціонера Бакунина, который всѣми фибрами своей души любилъ революціонную Францію и съ ужасомъ видѣлъ нашествіе на нее нѣмецкихъ военныхъ полчищъ, представлялось невозможнымъ сотрудничаніе народа съ правительствомъ и буржуазіей. Онъ видѣлъ спасеніе Франціи только въ общенародномъ возстаніи и въ народной самозащитѣ. Вотъ его слова:

> „Франція, какъ Государство, погибла. Она не можетъ больше спастись нормальными и административными средствами. Теперь предстоитъ выйти на сцену Исторіи Франціи натуральной, народной, чтобы спасти свою свободу и свободу

всей Европы громаднымъ возстаніемъ, возстаніемъ чисто народнымъ, протекающимъ внѣ всякой оффиціальной организаціи, внѣ правительственной централизаціи. И Франція, изгнавъ со своей территоріи арміи прусскаго короля, тѣмъ самымъ освободитъ всѣ народы Европы и совершитъ соціальное освобожденіе пролетаріата".

„Письма къ одному французу" цѣликомъ проникнуты духомъ революціоннаго возстанія. Бакунинъ не сомнѣвался въ томъ, что возстаніе во Франціи будетъ сигналомъ для ряда такихъ же возстаній во всѣхъ другихъ странахъ и, въ конечномъ счетѣ, приведетъ къ экономическому освобожденію пролетаріата, т. е. къ торжеству Соціальной Революціи.

Что же дѣлаютъ авторы манифеста? Они тоже призываютъ къ революціи, но только... къ революціи въ Германіи. При этомъ они не разсматриваютъ эту революцію какъ Соціальную, т. е. какъ орудіе экономическаго освобожденія пролетаріата, а исключительно какъ средство для дезорганизаціи нѣмецкаго тыла, для ослабленія военной мощи Германіи. Имъ и тутъ важна только одна цѣль — побѣда державъ Четверного Согласія. По ихъ схемѣ — это весьма характерно — нѣмецкій пролетаріатъ долженъ возстать не для того, чтобы произвести хотя бы только у себя дома соціальныя или политическія преобразованія, а чтобы, путемъ давленія на свое правительство, заставить это послѣднее отказаться отъ аннексіонныхъ замысловъ. Вотъ, что они говорятъ:

„Германскіе рабочіе должны были бы заявить, что они отказываются дѣлать аннексіи или одобрять таковыя... Что они считаютъ германское Государство обязаннымъ исправить, поскольку возможно, матеріальные убытки, нанесенные сосѣдямъ военнымъ нашествіемъ"...

Итакъ, то, что Кропоткинъ и его сотоварищи проповѣдуютъ въ своемъ манифестѣ, въ двухъ словахъ сводится къ слѣдующему: классовое сотрудничество между пролетаріатомъ и буржуазіей во Франціи, Англіи, Россіи и Италіи въ цѣляхъ государственно-военной побѣды Четверного Согласія; возстаніе нѣмецкаго пролетаріата не во имя его экономическаго освобожденія, а все съ той же цѣлью — облегчить военную побѣду державамъ Четверного Согласія. Они полагаютъ, что классовое сотрудничество въ данномъ случаѣ необходимо въ интересахъ пролетаріата же.

Бакунинъ иначе учитывалъ взаимоотношеніе между пролетаріатомъ и буржуазіей во Франціи. Онъ даже въ моментъ наибольшей „національной" опасности не считалъ классовое сотрудничество возможнымъ и какъ на единственное спасеніе Франціи указывалъ на революціонный Анархизмъ. Приведемъ въ подтвержденіе нѣсколько цитатъ изъ „Писемъ къ одному французу".

„Вы, быть можетъ, думаете, что между пролетаріатомъ и буржуазіей возможенъ союзъ во имя національнаго спасенія? Это программа Гамбетты,—программа, какъ онъ выражается, республиканская и вмѣстѣ съ тѣмъ консервативная".

Понимая, что буржуазія взываетъ къ національному единенію не въ интересахъ пролетаріата, а въ своихъ собственныхъ,—чего сейчасъ не понимаютъ наши съ головой и сердцемъ предавшіеся буржуазіи „анархисты", Бакунинъ говоритъ:

„Я не сомнѣваюсь въ томъ, что за очень малыми исключеніями всѣ богатые люди Франціи, громадное большинство высшей и средней буржуазіи, скорѣе согласятся на подлое предательство Франціи, чѣмъ на ея спасеніе черезъ народное возстаніе. Ибо народное возстаніе—это Соціальная Революція, это гибель привиллегированной Франціи. Боязнь этой Революціи бросила ихъ двадцать лѣтъ тому назадъ подъ иго диктатуры Наполеона III; сегодня она броситъ ихъ подъ пяту Бисмарка... Народная свобода причиняетъ имъ такой ужасъ, что для избѣжанія ея они охотно примутъ всѣ униженія и согласятся на всякія подлости... Да, вся оффиціальная, вся привиллегированная и буржуазная Франція конспирируетъ въ пользу Орлеановъ и, слѣдовательно, противъ народа"...

„Она такъ боится народнаго возстанія, что если бы ей предстоялъ выборъ между тріумфальнымъ входомъ пруссаковъ въ Парижъ и спасеніемъ Франціи черезъ Соціальную Революцію, то нѣтъ сомнѣнія, что вся она, не исключая и Гамбетты, избрала бы пруссаковъ".

Дѣйствительно, для каждаго капиталистическаго Государства военное пораженіе менѣе страшно, чѣмъ пораженіе отъ руки возставшихъ народныхъ массъ, ибо военное пораженіе ничѣмъ не нарушаетъ цѣлостности и неприкосновенности буржуазнаго правопорядка, въ то время какъ Революція грозитъ непосредственно существованію буржуазіи. Это, между прочимъ, высказалъ въ 1870 г. военный министръ французскаго правительства въ одномъ изъ засѣданій палаты:

„Противъ внѣшняго врага, сказалъ онъ, мы будемъ бороться до тѣхъ поръ, пока не освободимъ отъ него Францію. Внутренніе же враги будутъ уничтожены. Я имѣю въ рукахъ всѣ средства для этого и я отвѣчаю за спокойствіе Парижа".

Таково же положеніе и теперь. Теперь тоже внутренній врагъ для франко-англійской буржуазіи страшнѣе, чѣмъ врагъ внѣшній. Современная буржуазія сознаетъ классовыя противорѣчія не хуже, а еще лучше, чѣмъ буржуазія 1870 года.

Но и современный пролетаріатъ значительно выросъ. Онъ сталъ сильнѣе и сознательнѣе, чѣмъ во время франко-прусской войны. Слѣдовательно, онъ, какъ внутренній врагъ, сталъ еще болѣе грозенъ и еще болѣе страшенъ.

Авторы манифеста знаютъ это и, зная, стараются увѣрить пролетаріатъ, что борьба противъ нѣмецкаго милитаризма и за спасеніе западно-европейскихъ демократій — въ интересахъ пролетаріата. Они въ этой войнѣ, въ войнѣ имперіалистической, видятъ классовую задачу пролетаріата не въ томъ, чтобы онъ, возставъ, опрокинулъ все буржуазное общество, а въ томъ, чтобы онъ во время имперіалистической войны ничѣмъ не нарушалъ буржуазнаго благоденствія и чтобы онъ помогъ своей буржуазіи одержать военную побѣду надъ внѣшнимъ врагомъ. Не думаютъ ли они, что благодарныя правительства по окончаніи войны помогутъ пролетаріату освободиться отъ буржуазной эксплуатаціи?

Бакунинъ никогда никакихъ надеждъ ни на правительства, ни на буржуазію не возлагалъ. Онъ считалъ ихъ вѣчными врагами, съ которыми никакое перемиріе, никакое сотрудничаніе невозможно. Что же касается благополучія отъ военной побѣды, то онъ понималъ, что благополучіе это только для буржуазіи, которая, окрѣпнувъ и почерпнувши въ побѣдной войнѣ новыя силы для себя, начнетъ съ еще большей интенсивностью и наглостью эксплуатировать трудящіяся народныя массы. „Горе, горе націямъ, вожди которыхъ вернутся побѣдоносными съ полей битвъ! Лавры и ореолы превратятся въ цѣпи и оковы для народовъ, которые вообразятъ себя побѣдителями",—говорилъ онъ на Конгрессѣ Лиги Мира и Свободы.

Но наши анархо-патріоты не довольствуются призывами къ классовому перемирію. Они, раньше бывшіе антимилитаристами, теперь стали яростными воинствующими патріотами и выступаютъ даже противъ буржуазныхъ пацифистовъ. „Говорить о мирѣ въ настоящій моментъ, это — играть на руку нѣмецкой военной партіи", читаемъ мы въ ихъ манифестѣ. Они настолько прониклись милитаристской идеологіей военныхъ партій Четверного Согласія, что не хотятъ даже мира, а настаиваютъ, по примѣру самыхъ ярыхъ націоналистовъ, на войнѣ до конца, до полной побѣды надъ противникомъ. Настаиваютъ на войнѣ подъ знаменами буржуазныхъ Государствъ и во славу этихъ Государствъ.

И послѣ всего этого позволяютъ себѣ заявлять, что они ни въ чемъ не измѣнили ни своимъ прежнимъ принципамъ, ни рабочему классу, что они по прежнему остались анархистами и антимилитаристами.

Нѣтъ, они не анархисты,—они воинствующіе націоналисты. Ихъ позорному лозунгу „войны до конца" во имя уничтоженія германскаго милитаризма мы противопоставимъ нашъ лозунгъ: ВСЕНАРОДНОЕ РЕВОЛЮЦІОННОЕ ВОЗСТАНІЕ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОСВОБОЖДЕНІЕ ТРУДЯЩИХСЯ, ЗА СОЦІАЛЬНУЮ РЕВОЛЮЦІЮ, — лозунгъ, непосредственно вытекающій изъ нашей анархической концепціи.

И при этомъ скажемъ имъ:

Освобожденіе трудящихся достигается не путемъ пораженія, подъ правительственными знаменами, германскаго милитаризма, а путемъ народнаго возстанія, которое опрокинетъ всѣ централизованныя Государства и вмѣстѣ съ ними всѣ милитаризмы. Кто во время войны зоветъ народъ помогать своей воинствующей буржуазіи, тотъ идетъ не съ народомъ, а противъ него.

Оводъ.

Заявленіе.

Дорогіе товарищи!

До меня дошло, что нѣкоторые органы печати распространили слухъ, будто бы я примкнулъ къ декларація Кропоткина и другихъ товарищей, называющихъ себя анархистами.

Это безусловная ошибка, ибо я абсолютно не раздѣляю идей, содержащихся въ этой декларація. Больше того, — я даже не понимаю умонастроенія тѣхъ, которые, подписавъ ее, все еще продолжаютъ называть себя анархистами, ибо, составивъ подобную декларацію, они отреклись отъ анархическихъ принциповъ.

Мы совершенно не знали до сихъ поръ этого новаго вида анархизма,—одного изъ послѣдствій отвратительной и убійственной войны, — анархизма правительственнаго. Наше движеніе много обязано тѣмъ, которые теперь выступаютъ подъ его флагомъ, но они сошли съ истиннаго пути. Мы же примыкаемъ къ отвѣту, который далъ на ихъ декларацію Малатеста.

Нѣмецкій милитаризмъ уже одержалъ величайшую побѣду, несмотря на то, что война отчасти проиграна Германіей, ибо Англія, Голландія, Бельгія и даже, быть можетъ, Соединенные Штаты введутъ у себя всеобщую воинскую повинность. Это—нѣмецкое устройство, теперь ставшее международнымъ, и нѣмцы могутъ похвалиться побѣдой, видя, что ихъ система отнынѣ стала системою всѣхъ. Когда поддерживаешь учрежденіе, исходящее отъ Государства, становишься государственникомъ. Милитаризмъ и этатизмъ—двѣ вѣтви одного и того же дерева,—дерева власти. Мы же, анархисты, противники Государства, — всякаго Государства, будь оно автократическимъ и царистскимъ, какъ Россія, или демократическимъ, какъ Франція и Англія. Мы не хотимъ завоеванія политической власти, мы провозглашаемъ: долой Государство, долой всѣ Государства! По мнѣнію подписавшихъ декларацію, нужно идти съ народомъ. Но это значитъ—санкціонировать все, что приказываетъ и рѣшаетъ Государство. Такимъ образомъ поневолѣ придется принять и имперіализмъ. А какія выгоды могутъ получить рабочіе отъ имперализма? Остережемся какого бы то ни было компромисса, — этотъ путь ведетъ къ гибели. Коготокъ увязъ,—всей птичкѣ пропасть. Только первый шагъ тяжелъ, и потому мы хотѣли бы, чтобы наши товарищи-анархисты хорошо подумали, прежде чѣмъ дѣйствовать. Брошюры нашего товарища Кропоткина о Государствѣ находятся въ кричащемъ противорѣчіи съ его декларацією.

Я прошу Васъ опубликовать эти нѣсколько строкъ, ибо мнѣ очень важно, чтобы каждый зналъ, что я остался вѣренъ нашимъ анархическимъ принципамъ.

Съ товарищескимъ привѣтомъ
Домела Ньювенгуйсъ.

Гильверсумъ (Голландія).

Вмѣсто личнаго отвѣта.

По поводу моего „Открытаго письма Кропоткину", напечатаннаго въ № 2 „Р. З.", мною получено письмо отъ бывшаго секретаря Анархическаго Интернаціонала, Г. Броше, который, стоя всецѣло на кропоткинской точкѣ зрѣнія, обвиняетъ меня... въ германофильствѣ.

Если бы я подумалъ, что это — только непристойно-вульгарный методъ полемики, я бы не обратилъ вниманія. Но мнѣ кажется, что здѣсь мы просто имѣемъ дѣло съ упрощеннымъ методомъ мышленія: разъ не съ нами, разъ не франкофилъ, значитъ — германофилъ.

Поэтому два слова въ отвѣтъ.

Нѣмецкая тиранія мнѣ также отвратительна, какъ и всякая другая. Преступленія, совершенныя нѣмцами въ Эльзасѣ, въ Бельгіи и во множествѣ другихъ мѣстъ, гдѣ они оказались хозяевами положенія, — несомнѣнно акты чудовищнаго вандализма. Но преступленія русскихъ въ Галиціи и Польшѣ, бельгійцевъ—въ Конго, англичанъ—въ Индіи, французовъ — въ Марокко, итальянцевъ — въ Триполитаніи — не менѣе чудовищны и отвратительны.

Однако, вопросъ совсѣмъ не въ томъ, кто изъ этой международной шайки разбойниковъ „больше" виновенъ. На страшномъ судѣ народной расправы между ними едва ли будетъ сдѣлано различіе. Но каковы должны быть опустошенія, произведенныя грохотомъ пушекъ въ головѣ революціонера, когда для него перестаютъ существовать какія бы то ни было другія концепціи кромѣ „франкофильства" и „германофильства"!

Очевидно чтобы утѣшить меня, бывшій товарищъ Броше открываетъ предо мною радостныя перспективы болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. „Послѣ заключенія мира, говоритъ онъ, опять будетъ время вести анархическую работу".

Послѣ заключенія мира! А что дѣлать во время войны? Облобызаться, по примѣру Милюкова, съ Пуришкевичемъ и стать анархо-траншейникомъ?

Съ этимъ мы не согласны. Мы никогда не были оппортунистами, т. е. наша тактика никогда не зависѣла отъ политики правительствъ. Мы не можемъ быть анархистами только „передъ войной" или „послѣ заключенія мира", а должны быть ими всегда, при всякихъ условіяхъ. Слѣдовательно, *мы не перестаемъ быть анархистами также и во время войны.* А поэтому для насъ, въ періодъ имперіалистской войны, абсолютно невозможно встать на сторону кого бы то ни было изъ воюющихъ. Мы не можемъ быть ни „франкофилами", ни „германофилами".

Но, само собою понятно, мы не можемъ быть и „нейтральными". Во время имперіалистской войны мы, какъ анархисты, обязаны не плестись въ хвостѣ правительствъ, а противопоставить ихъ преступнымъ дѣйствіямъ *наше международное дѣйствіе противъ всемірнаго избіенія народовъ, противъ войны и за полное осуществленіе нашей соціально-революціонной программы.*

Александръ Ге.

О рабочемъ націонализмѣ и патріотизмѣ.

Въ сорной травѣ понятій, привитыхъ рабочему классу проповѣдниками буржуазной морали, имѣется колючій, ядовитый наростъ, дѣлающій возможнымъ для буржуазіи властвованіе надъ широкими массами. Этотъ наростъ — чувство націонализма и патріотизма.

Въ старыя времена, когда люди были болѣе наивны, для подчиненія ихъ воли достаточно было силы религіозной лжи съ маленькой примѣсью стихійной расовой ненависти. Но съ развитіемъ человѣка религіозная ложь стала все больше обнаруживаться и правящіе классы начали укрѣпляться на новой почвѣ, — на національно-патріотическомъ лжеученіи.

Религіознымъ *фанатизмомъ* было нетрудно обманывать темныя народныя массы, ибо понятіе о Богѣ—созерцательно-духовное и его легко засѣять въ людяхъ, не умѣющихъ разбираться въ явленіяхъ, а только чувствующихъ. Но національно-патріотическая теорія есть не догматическая вѣра, а *ученіе*, требующее не эмоціональной, а умственной санкціи, и потому могущее быть *сознательно* отвергнуто коллективнымъ массовымъ разумомъ прежде, чѣмъ внѣдриться въ чувство народныхъ массъ.

Если бы исключительная любовь рабочихъ къ *своей* родинѣ вытекала изъ количества духовныхъ и матеріальныхъ благъ, получаемыхъ ими на этой родинѣ, и если бы они защищали ее для того, чтобы не дать рабочимъ другихъ странъ воспользоваться этими благами, то такая любовь была бы крайне преступнымъ классовымъ эгоизмомъ, ибо рабочіе, какъ классъ, эксплуатируемый на всемъ земномъ шарѣ, не имѣютъ никакого права замыкаться въ своемъ относительномъ благополучіи отъ своихъ же товарищей-рабочихъ, страдающихъ въ другихъ странахъ.

Да, скажутъ намъ, это вѣрно, но вѣдь рабочіе, защищая съ оружіемъ въ рукахъ свою родину, защищаютъ ее не отъ рабочихъ другихъ странъ, а отъ иноземной буржуазіи, не желая подпасть подъ господствующую въ другихъ странахъ экономическую и политическую реакцію. Хорошо, отвѣтимъ мы, но тогда — чѣмъ же объяснить, что русскіе рабочіе защищаютъ свою реакціонную родину отъ нашествія болѣе прогрессивной Германіи? Или же, что нѣмецкіе рабочіе согласились, во славу своего отечественнаго производства, пойти истребляющимъ походомъ на политически болѣе свободную французскую республику? Съ другой же стороны, если французскій пролетаріатъ видитъ въ вооруженной защитѣ своей „свободной“ республики отъ нѣмецкаго „милитаризма“ защиту своихъ классовыхъ интересовъ, то развѣ средствомъ для отстаиванія рабочихъ интересовъ можетъ служить международная война, т. е. убійство своихъ же товарищей-рабочихъ? Не думали ли мы до сихъ поръ, что единственнымъ орудіемъ рабочаго раскрѣпощенія можетъ быть только Революція, направленная къ ниспроверженію тѣхъ силъ, которыя теперь толкнули пролетаріатъ на взаимоистребленіе?

Есть рабочіе, которые оправдываютъ свой патріотизмъ красотою родного языка, богатствомъ литературы, культурными преимуществами, т. е. такими данными, которыя, въ сущности, основаны только на привычкѣ и, слѣдовательно, на душевномъ консерватизмѣ, а не на критическомъ пониманіи. Неужели же такъ трудно понять, что каждая страна имѣетъ свои культурныя цѣнности и преимущества и въ чемъ нибудь превосходитъ другую? Всякій языкъ хорошъ, если можетъ служить намъ средствомъ для объясненія; всякая культура полезна, если мы можемъ ее использовать; всякая литература прекрасна, если у насъ имѣется досугъ для чтенія и изученія ея. Но развѣ рабочимъ все это доступно такъ, какъ должно было бы быть? Развѣ милліоны рабочихъ всѣхъ странъ не бросаютъ ежегодно всѣ прелести своей хваленой родины, чтобы въ менѣе культурныхъ и менѣе прогрессивныхъ странахъ обрѣсти просто кусокъ чернаго хлѣба?

Нѣтъ, всѣ эти культурныя, политическія и прочія „преимущества“ *своей* родины — продукты все той же растлѣвающей душу и мозгъ буржуазной патріотически-націоналистической теоріи. Пора, чтобы рабочіе начали, наконецъ, разбираться во всѣхъ тонкостяхъ той хитросплетенной паутины, черезъ которую водятъ ихъ многозаботливые попечители съ самаго ранняго дѣтства, — въ семьѣ, въ школѣ, на фабрикѣ, въ церкви и т. д. И когда они поймутъ это, то имъ станетъ ясно, что вся эта ложная, жестокая, ведущая къ взаимоистребленію мораль о преимущественной любви къ *своему* отечеству создана потребностями капиталистическаго общества, что она проводится въ жизнь буржуазными идеологами, отстаивающими интересы частной собственности, и охраняется полицейскими и всякими другими чиновниками государственнаго аппарата, паразитически пользующимися всѣми благами жизни за непроизводительный и сравнительно легкій трудъ.

Тогда рабочимъ станетъ ясно, что основной причиною всѣхъ ихъ золъ, всѣхъ бѣдствій является громадный, вѣчно голодный, ненасытный звѣрь *Капиталъ*. Онъ бѣшенно пожираетъ все, что есть въ человѣчествѣ справедливаго, высокаго и честнаго, онъ порождаетъ всѣ алчные, низменные инстинкты, отравляетъ ядомъ своего прикосновенія душу и тѣло. Живя кровью рабочаго класса, онъ превращаетъ рабочимъ свѣтъ въ тьму, радость въ слезы, возможность пользоваться всѣми благами жизни въ безпросвѣтную нищету, прелесть свободнаго труда въ тяжкое пожизненное рабство.

Когда рабочіе всѣхъ странъ, наконецъ, поймутъ это, они объединятся для прямой борьбы противъ Капитала и пробьетъ тогда часъ ихъ освобожденія.

Рабочій.

О желудочномъ факторѣ въ революціи.

Вопросъ о томъ, опредѣляется ли бытіе сознаніемъ или, наоборотъ, сознаніе бытіемъ, не новъ. Но у насъ есть серьезное основаніе опять поднять его.

Въ № 60 „Голоса Труда“ появилась статья т. „ц“. (Одна изъ революціонныхъ легендъ), авторъ которой на вопросъ о томъ, **присуща ли какой либо изъ человѣческихъ расъ исключительная революціонность**, вполнѣ правильно приходитъ къ отрицательному выводу. Но доводы, которыми авторъ оперируетъ, чтобы доказать правильность своей аргументаціи, подобраны очень тенденціозно и вообще вся схема разсужденій его построена на ложномъ исторически-діалектическомъ методѣ.

Какъ для большинства сторонниковъ марксистской школы, для т. „ц.“ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сознаніе опредѣляется бытіемъ. Такъ, останавливаясь на историческихъ факторахъ, толкающихъ людей на путь революціонности и бунтарства, онъ утверждаетъ, что бунтарскій духъ имѣетъ свой источникъ не въ расѣ, не въ революціонныхъ традиціяхъ, а просто-на-просто **въ желудкѣ** или, выражаясь болѣе научно, **въ экономическихъ условіяхъ**.

Мы знаемъ, что если смотрѣть на жизненные и историческіе процессы черезъ узенькую щелочку марксистской методологіи, тогда объяснить все очень легко, ибо „все очень просто“. Приложилъ экономическій сантиметръ и выкроилъ историческое объясненіе.

Но если мы не удовольствуемся подобной трафареткой, а постараемся, чтобы дѣйствительно понять какой нибудь историческій процессъ, серьезно проанализировать его, то намъ придется идти совсѣмъ другими опытными путями.

Итакъ, все дѣло „просто-на-просто въ желудкѣ“, утверждаетъ т. „ц“. Посмотримъ, вѣрно ли такое объясненіе.

Возьмемъ для примѣра Англію. Какъ извѣстно, Англія—страна, въ которой рабочій классъ никогда еще свой желудокъ полностью не набивалъ. Она — классическая страна капитализма. Туганъ-Барановскій указываетъ совершенно справедливо, что такихъ рабочихъ, какъ у насъ на Руси, большой процентъ которыхъ еще не порвалъ связи съ землею, здѣсь не найти. Англійскій рабочій живетъ исключительно съ поденщины, уповаетъ только на нее и надѣяться ему больше не на что. Зарабатываетъ онъ какъ разъ столько, сколько нужно, чтобы не умереть съ голода, и при этомъ почти не располагаетъ свободнымъ временемъ; если же выпадаютъ на его долю досуги, то они проводятся въ кабакахъ. Работаетъ онъ, такъ сказать, безъ передышки и потому истощенъ и тупъ. Неудивительно, что отъ такой жизни среди англійскихъ рабочихъ очень много маніаковъ и что въ 40 лѣтъ они уже никуда не годные старики. Громадный процентъ ихъ, благодаря нищетѣ, не обзаводится семьей, а когда и обзаводятся, то послѣдствія этого болѣе, чѣмъ печальны. Проституція процвѣтаетъ въ Англіи, какъ ни въ какой другой странѣ, несмотря на драконовскіе законы противъ нея. Обычное явленіе, что жена рабочаго, мать многихъ дѣтей, вынуждена, съ вѣдома мужа, торговать не только собою, а и своими дочерьми.

Остановимся на жизни англійскихъ рабочихъ-докеровъ. Докеръ зарабатываетъ въ среднемъ 25-30 шилл. въ недѣлю. До войны зарабатывалъ еще меньше, но зато жизнь теперь, какъ и вездѣ, вздорожала на 60-70%. Одинъ онъ долженъ прожить въ недѣлю, съ табакомъ и прочими расходами, 20-23 шилл. Какъ же должна прожить средняя докерская семья въ 5-6 человѣкъ, когда изъ заработка главы семьи на долю каждаго члена ея приходится по 5-6 шилл. въ недѣлю? Удивительно ли послѣ этого, что въ хозяйственномъ обиходѣ докера топоръ или хотя бы даже колунъ, каковой у самаго захудалаго, самаго обнищалаго русскаго мужика водится,—большая рѣдкость, и что жена его, по примѣру нашихъ многоуважаемыхъ предковъ каменнаго вѣка, вынуждена кусокъ полешка для растопки колоть осколкомъ камня? И это — въ Англіи, гдѣ кругомъ чудеса техники, въ центрѣ цивилизаціи, въ XX-мъ вѣкѣ! И длится такое положеніе не годъ, не два, а многія десятилѣтія и, пожалуй, столѣтія. Вѣдь еще Бакунинъ указывалъ на него мимоходомъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ „Федерализмъ, Соціализмъ и Антитеологизмъ“. „Въ Англіи, говоритъ онъ, голодная смерть — ежедневный фактъ. И не только отдѣльныя единицы, нѣтъ, тысячи, десятки, сотни тысячъ умираютъ такимъ образомъ“.

Казалось бы, что по „желудочной“ теоріи, яко бы толкающей людей на путь бунтарства, англійскіе рабочіе не въ примѣръ французскимъ, у которыхъ, какъ т. „ц“. утверждаетъ, „индустрія еще въ зародышевомъ состояніи находится“, должны были давно сдѣлать рѣшительный шагъ впередъ въ области соціальнаго переустройства. Но видимъ мы какъ разъ обратное: французскіе рабочіе сплошь и рядомъ проявляютъ себя революціонностью своихъ выступленій, а англійскіе въ смыслѣ революціонности и бунтарства до сихъ поръ никакихъ надеждъ не подаютъ. Вмѣсто бунтарства мы видимъ преклоненіе передъ лордами и правителями, уваженіе къ законности, фанатичную религіозность, чванный, доходящій до смѣшного, патріотизмъ и священное уваженіе къ принципу частной собственности. А, вѣдь, англійскіе рабочіе принадлежатъ къ высшей, по характеристикѣ т. „ц“., тевтонской расѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ прошли **наихудшую школу желудочныхъ условій**. Въ чемъ же дѣло? Гдѣ же эта могучая сила господствующаго экономическаго фактора, какъ перводвигателя историческихъ процессовъ? Повидимому, одного этого фактора еще не достаточно для созданія комплекса условій, толкающихъ массы на путь бунтарства, и очевидно революціонныя идеи не только въ желудкѣ зарождаются.

Возьмемъ другой примѣръ, — печальныя страницы нашей многопечальной родины, — и просмотримъ въ нихъ мартирологъ русскихъ революціонеровъ. Бѣдное маркс-энгельсовское объективное колесо въ Исторіи, тутъ изъ него послѣднія картонныя спицы выпадаютъ!

Передъ нами встаютъ величественныя фигуры декабристовъ, петрашевцевъ, героическіе кадры „Народной Воли“... Все это были люди привиллегированныхъ и даже титулованныхъ сословій, между ними было много дворянъ, князей, графовъ. Ихъ жизнь была отмѣчена роскошью, довольствомъ, почестями и властью. И вдругъ эти люди загораются любовью къ великому, но далекому идеалу, бросаютъ свои роскошные дворцы, выходятъ на широкую, но тернистую дорогу борьбы за попранныя народныя права и съ готовностью принимаютъ въ награду за свои подвиги нужду, голодъ, холодъ, лишенія, заточеніе, долголѣтнюю суровую ссылку, и даже отдаютъ свою жизнь на плахѣ палача. Что-жъ, этихъ беззавѣтно-самоотверженныхъ и высоконравственныхъ людей на путь бунтарства толкали тоже факторы желудочнаго свойства? Или для дворянскихъ желудковъ какіе нибудь другіе хитроумные „экономическіе“ законы имѣются? А Бакунинъ, Бѣлинскій, Чернышевскій, Михайловскій, Кропоткинъ, Толстой, — всѣ колоссальныя фигуры сороковыхъ, шестидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, составляющія красу и гордость россійской интеллигенціи и создавшія идеалы, которыми мы понынѣ живемъ, — ихъ дѣятельность на аренѣ человѣческой борьбы за высшіе идеалы развертывалась тоже по причинѣ желудочнаго фактора въ Исторіи?

Чтобы докавать, что ни одной изъ расъ не присуща исключительная революціонность, т. „ц“. между прочимъ говоритъ, что всѣ расы одинаково имѣли революціонныя стачки и бунты. Противъ этого, конечно, нельзя спорить, но — развѣ стачки и бунты составляютъ квинтэссенцію **соціально-бунтарской** проблемы? Напримѣръ, у насъ на Руси въ свое время были и холерные бунты съ Разиновщиной,

была и Пугачевщина со стрѣлецкими бунтами. Однако, эти движенія носили не осмысленный, а стихійный характеръ, хотя, несомнѣнно, они не были лишены и политическаго содержанія, будучи направлены противъ дворянскаго засилія. Но, повторяемъ, они были стихійными проявленіями народнаго негодованія, не имѣли осмысленной соціальной цѣлестремительности и именно поэтому впередъ были осуждены на неуспѣхъ. Одинъ лишь голодный факторъ можетъ повести къ болѣе или менѣе крупнымъ разгромамъ, но не къ торжеству соціально-революціонныхъ принциповъ. Соціально-революціонными могутъ быть только такіе бунты, которые стремятся къ соціально-осознаннымъ цѣлямъ. Познать же внутреннее содержаніе коммунистическихъ лозунговъ только желудкомъ невозможно. Тутъ одного хотѣнія кушать — мало.

На это указываетъ намъ Исторія. Бакунинъ, касаясь причинъ неуспѣха Французской Революціи 48 г., тоже подчеркиваетъ это. „Рабочіе, говоритъ онъ, сражавшіеся въ іюнѣ за народное освобожденіе, были соединены инстинктомъ, а не идеей. Ихъ смутныя идеи всѣ вмѣстѣ составляли хаосъ, изъ котораго ничего не могло выйти. Такова была причина ихъ пораженія". Кропоткинъ въ „Великой Французской Революціи" указываетъ на то же: въ томъ, что буржуазія того времени лучше другихъ общественныхъ классовъ сознавала и осмысливала свои интересы, онъ видитъ причину ея побѣды и пораженія пролетаріата.

Если бы экономическій факторъ дѣйствительно имѣлъ то колоссальное самостоятельное значеніе, какое стараются придать ему, то мы, россіяне, имѣя въ прошломъ сплошныя массовыя голодовки, уже давно должны были бы благоденствовать въ соціальномъ строѣ или, по крайней мѣрѣ, быть очень недалеко отъ него. Однако, ни Пугачевщина, ни Разиновщина къ нему не привели и мы отъ него находимся едва ли болѣе близко, чѣмъ менѣе голодныя націи.

Буржуазія смотритъ на этотъ вопросъ не такъ упрощенно, какъ наши „желудочники". Она давно оцѣнила значеніе идеологіи и испоконъ вѣка работаетъ надъ тѣмъ, чтобы пропитать сознаніе рабовъ своими духовными цѣнностями. Парламенты, попы, театры, школы — все это преслѣдуетъ ту же цѣль: затемнить классовое сознаніе рабовъ, не дать ему развиться. И международная соціальдемократія въ области затемнѣнія классоваго самосознанія пролетаріата и пропитыванія его буржуазными духовными цѣнностями является для буржуазіи неоцѣнимымъ сподвижникомъ. Ея исторической миссіей было — совращать пролетаріатъ на путь гармоничнаго сотрудничества съ буржуазіей на почвѣ буржуазной культуры и буржуазнаго законодательства. Даже въ вопросѣ о поповскомъ засильи она не рѣшилась на смѣлый шагъ и трусливо провозгласила знаменитый лозунгъ „религія — частное дѣло".

Старанія буржуазіи и соціальдемократіи, какъ мы видимъ это въ настоящей войнѣ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Пропитанный буржуазной идеологіей пролетаріатъ всюду пошелъ защищать не свои классовые интересы противъ буржуазіи, а интересы своей буржуазіи. И если только экономическій факторъ и впредь будетъ продолжать вліять на бунтарство массъ такъ, какъ онъ вліялъ до сихъ поръ, то съ увѣренностью можно предсказать, что на нашей планетѣ Соціальной Революціи никогда не будетъ, ибо до ея пришествія съ Землей случится предвидѣнный астрономами казусъ охлажденія.

Лживая формула „бытіе опредѣляетъ сознаніе" привела ея сторонниковъ къ унижающему человѣческій интеллектъ идолопоклонству. Они превратили человѣчество въ какое то огромное чудовище-брюхо, въ коллективнаго брюхозавра, которому стоитъ только яростно мотнуть своими утробами, чтобы отъ этого получилась Революція. Въ своемъ увлеченіи такой заманчивой схемой они даже забываютъ вспомнить о томъ, что у человѣка помимо желудка еще голова имѣется. Пусть тотъ, но зачѣмъ же обобщать? Если даже при добросовѣстномъ и тщательномъ изслѣдованіи они не могутъ нащупать этой части тѣла у себя, то отсюда еще далеко до вывода, что ея вообще не существуетъ!

Само собою понятно, что не слѣдуетъ впадать и въ противоположную крайность. Анархическій коммунизмъ, придавая громадѣйшее значеніе боевой способности массъ, отнюдь не утверждаетъ, что эта способность является „просто-на-просто" доминирующимъ факторомъ Революціи. Это сугубо подчеркиваетъ, между прочимъ, т. Оргеіани въ своемъ трудѣ „О Рабочихъ Союзахъ". Онъ говоритъ тамъ: „Вся гармоническая сложность мірового процесса или путаной сѣти историческихъ событій, въ концѣ концовъ, руководится не однимъ какимъ нибудь факторомъ, состоитъ не изъ одной и однородной силы, а изъ такой же сложности безконечно-малыхъ и разнородныхъ, комбинирующихся на тысячи ладовъ и образующихъ, въ конечномъ синтезѣ, равновѣсіе или неравновѣсіе громадныхъ силъ, движущихъ Исторію".

Когда мы, рабочіе-анархисты, говоримъ о соціально-революціонномъ бунтарствѣ массъ, то мы имѣемъ въ виду не экономическій или революціонно-боевой факторъ въ отдѣльности, а совокупность всѣхъ факторовъ и ихъ сложное взаимодѣйствіе другъ на друга. Мы знаемъ, что по отдѣльности они безсильны и непродуктивны въ смыслѣ достиженій.

Но мы знаемъ также, что экономическій факторъ ни самостоятельно, ни суммируясь съ революціонно-боевой способностью, не можетъ пропитать массы соціально-революціоннымъ духомъ. Для этого нужна большая идейная работа, нужно, чтобы массы осмыслили и осознали свои цѣли. И если для процесса созданія стихійной массовой революціонности нельзя отрицать громаднаго значенія экономическаго фактора, то въ процессѣ проявленія массовой революціонности, въ процессѣ революціонной борьбы за конкретные соціальные лозунги сознательная цѣлестремительность имѣетъ преобладающее значеніе. Тутъ успѣхъ революціонныхъ достиженій опредѣляется исключительно степенью соціально-революціонной сознательности массъ.

Рабочій Тимоѳей Самсоновъ.

Толстой и война.

(Отвѣтъ рабочимъ М., П. и С.).

Дорогіе товарищи!

Ваши письма мною всѣ получены. Вы правы: вопросъ о томъ, какъ отнесся бы Толстой къ настоящей войнѣ, почти не затрагивался ни въ русской, ни вообще въ европейской печати.

Но отвѣтить на него очень нетрудно.

Толстой былъ прежде всего апостоломъ религіозной этики, опирающейся на Евангеліе. А по Евангелію всякое насиліе одного человѣка надъ другимъ — грѣхъ, въ чемъ бы оно ни выражалось.

Толстой ясно видѣлъ лицемѣріе современныхъ Государствъ, подчинившихъ евангельское ученіе своимъ собственнымъ потребностямъ, направленнымъ къ угнетенію, и видѣлъ лицемѣріе оффиціальной, государственной Религіи, которая при помощи Церкви учитъ поддерживать государственную власть и повиноваться ей, что-бы она ни приказывала. Отсюда конфликтъ Толстого съ Государственностью, какъ организаціей, осуществляющей насиліе, и съ Церковью, какъ орудіемъ Государства, санкціонирующимъ насиліе.

Критическая часть ученія Толстого необыкновенно сильна и приводитъ его, въ теоріи, къ Анархизму, т. е. къ отрицанію Государственности, къ отрицанію какой-бы то-ни было Власти, откудабы таковая ни исходила. Въ милитаризмѣ онъ видитъ вредную, антирелигіозную организацію, черезъ которую Государство осуществляетъ свое, противное духу евангельскаго ученія, насиліе надъ людьми, и потому онъ — антимилитаристъ. Въ Церкви онъ также видитъ враждебную Религіи организацію, которая, прислуживаясь къ Государству, дѣйствуетъ не въ духѣ Евангелія, а противъ него, и которая санкціонируетъ насиліе, осуществляемое Государствомъ, вмѣсто того, чтобы осуждать его.

Поэтому Толстой также и врагъ Церкви. Но, замѣтьте, онъ не противъ Религіи, а только противъ оффиціальной Церкви. Толстой глубоко вѣритъ въ Бога и въ этомъ мы съ нимъ расходимся, ибо мы отрицаемъ какъ разъ ту самую идею, изъ которой онъ исходитъ, — идею о Богѣ, о сверхестественной силѣ, царящей надъ міромъ и управляющей судьбами человѣчества.

Практическая сторона ученія Толстого цѣликомъ вытекаетъ, какъ и критическая ея часть, изъ Евангелія. Очень красивая по силѣ мысли и логичности построенія, она приводитъ его къ религіозной этикѣ, построенной на принципѣ непротивленія злу. Вѣра Толстого въ то, что Богъ запрещаетъ всякое насиліе, — вѣра въ грѣховность насилія, — заставивъ его осудить капиталистическое общество и Государство, вмѣстѣ съ тѣмъ привела его къ парадоксальной пассивности, къ отказу отъ борьбы противъ того насилія, которое самъ-же онъ осуждаетъ.

Религіозная этика, апостоломъ которой является Толстой, воспрещаетъ ему активно бороться съ насиліемъ, дабы не совершить грѣховнаго насилія надъ насиліемъ-же. Поэтому онъ выдвинулъ тактику непротивленія, заключающуюся въ пассивномъ неподчиненіи злу, — въ отказѣ отъ платежа налоговъ, отъ присяги, отъ воинской повинности, отъ всего, что Государство требуетъ отъ личности.

По мнѣнію Толстого, капиталистическое общество и государственныя организаціи сами рухнутъ, когда большинство людей проникнется идеей о ненужности, вредности и грѣховности ихъ, ибо, отказавшись служить цѣлямъ Государства и подчиняться ему, люди тѣмъ самымъ сдѣлаютъ невозможнымъ функціонированіе государственнаго аппарата и Государство само распадется, умретъ естественной смертью.

Государство само умретъ, — говоритъ Толстой.

Государство надо убить, — говоримъ мы.

Но несмотря на наше полное несогласіе со всѣмъ религіовно-коммунистическимъ ученіемъ Толстого, мы должны признать, что онъ пришелъ, по отношенію къ капиталистическому обществу, къ анархическимъ выводамъ.

Антигосударственныя идеи Толстого развиты наиболѣе ярко въ его сочиненіи „Въ чемъ моя вѣра", котораго, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ сейчасъ подъ рукою. Основы его религіознаго ученія Вы найдете въ „Изложеніи Евангелія".

Что касается особенно интересующаго насъ сейчасъ отношенія Толстого къ войнѣ, то оно не подлежитъ и не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Война прежде всего насиліе, а Толстой отрицалъ всякое насиліе. Войны ведутся въ цѣляхъ захвата чужихъ земель (наступательныя) или въ цѣляхъ охраны территорій, уже захваченныхъ ранѣе (оборонительныя). И въ томъ и въ другомъ случаѣ онѣ — грабежъ или санкціонированіе грабежа, а Толстой отрицалъ всякій грабежъ, всякій захватъ. Къ тому-же онъ вообще отрицалъ націонализмъ и патріотизмъ.

Для Толстого — санкціонировать какую-бы то ни было войну, значило-бы отказаться отъ всего, чему онъ впродолженіе всей своей жизни училъ, значило-бы отказаться отъ Бога.

Надѣюсь, дорогіе товарищи, что краткій отвѣтъ мой на ваши письма удовлетворитъ Васъ. Недостатокъ времени и мѣста, къ сожалѣнію, лишаетъ меня возможности развить передъ вами въ деталяхъ ученіе Толстого. Я могъ лишь указать Вамъ общую схему его. Что-же касается отношенія Толстого къ войнѣ, то я предпочитаю дать слово ему самому, приведя выдержки изъ нѣкоторыхъ его статей „О войнѣ и военномъ дѣлѣ". Читая эти выдержки, отвлекитесь отъ „божественной" аргументаціи Толстого и Вы увидите въ немъ классическаго антигосударственника и антимилитариста.

Александръ Ге.

О войнѣ и военномъ дѣлѣ.

(выдержки).

1. Солдатская памятка.

Ты солдатъ, тебя учили стрѣлять, колоть, маршировать, гимнастикѣ, обучали словесности, водили на ученья и смотры; можетъ быть ты попалъ и на войну и воевалъ съ турками и китайцами, исполняя все, что тебѣ приказывали; тебѣ и въ голову не приходило спросить себя: хорошо или дурно то, что ты дѣлаешь?

Но вотъ получается приказъ выступать твоей ротѣ или эскадрону и взять боевые патроны. Ты ѣдешь или идешь, не спрашивая, куда тебя ведутъ.

Тебя подводятъ къ деревнѣ или фабрикѣ, и ты видишь издалека, что на площади толпится народъ, деревенскій или фабричный, мужчины, женщины съ дѣтьми, старики, старухи. Губернаторъ, прокуроръ съ полицейскими подходятъ къ толпѣ и о чемъ то толкуютъ. Толпа сначала молчитъ, потомъ начинаетъ кричать все громче и громче, и начальство отходитъ отъ народа. И ты догадываешься, что это крестьяне или фабричные бунтуютъ и тебя привели усмирять ихъ. Начальство нѣсколько разъ отходитъ отъ толпы и подходитъ къ ней, но крики все громче и громче, и начальство переговаривается между

собой, и тебѣ даютъ приказъ заряжать ружье боевымъ патрономъ. Ты видишь передъ собой людей — тѣхъ самыхъ, изъ которыхъ ты взятъ: мужчинъ въ поддевкахъ, полушубкахъ, лаптяхъ, и женщинъ въ платкахъ и кофтахъ, такихъ же женщинъ, какъ твоя жена или мать.

Первый выстрѣлъ приказываютъ пустить черезъ головы толпы. Но толпа не расходится и еще громче кричитъ; и вотъ тебѣ приказываютъ стрѣлять по настоящему, не черезъ головы, а прямо въ середину толпы.

Тебѣ внушено, что ты не отвѣтственъ въ томъ, что произойдетъ отъ твоего выстрѣла. Но ты знаешь, что тотъ человѣкъ, который, обливаясь кровью, упадетъ отъ твоего выстрѣла, убитъ тобою и никѣмъ другимъ, и знаешь, что ты могъ не выстрѣлить, и тогда человѣкъ не былъ бы убитъ.

Что тебѣ дѣлать?

Мало того, что ты опустишь ружье и откажешься сейчасъ стрѣлять въ твоихъ братьевъ. Но вѣдь завтра можетъ быть то же самое, и потому, хочешь — не хочешь, тебѣ надо одуматься и спросить себя, что такое то званіе солдата, которое довело тебя до того, что ты долженъ стрѣлять въ своихъ безоружныхъ братьевъ?

Въ Евангеліи сказано, что не только не должно убивать своихъ братьевъ, но не должно дѣлать того, что ведетъ къ убійству, не должно гнѣваться на брата и надо не ненавидѣть враговъ, а любить ихъ.

Въ законѣ Моисея прямо сказано: „не убій", безъ всякихъ оговорокъ о томъ, кого можно и кого нельзя убивать.

Въ правилахъ же, которымъ тебя учили, сказано, что солдатъ долженъ исполнять всякое, какое бы то ни было, приказаніе начальника, кромѣ приказанія противъ царя, что хотя заповѣдью этой запрещается убивать, но тотъ, кто убиваетъ непріятеля на войнѣ, не грѣшитъ противъ этой заповѣди.

Тебѣ говорятъ, что ты долженъ убивать, потому что ты присягалъ, и отвѣчать за твои дѣла будешь не ты, а начальство.

Но прежде, чѣмъ ты присягалъ, т. е. обѣщался людямъ исполнять ихъ волю, ты уже безъ присяги обязанъ во всемъ исполнять волю Бога, Того, Кто далъ тебѣ жизнь — *Богъ же не велитъ убивать.*

Такъ что тебѣ никакъ нельзя было и присягать въ томъ, что ты будешь дѣлать все, что прикажутъ тебѣ люди....

То же, что они говорятъ, что за твои дѣла будешь отвѣчать не ты, а начальство, — явная неправда. Развѣ можетъ совѣсть твоя быть не въ тебѣ, а въ ефрейторѣ, фельдфебелѣ, ротномъ, въ полковникѣ или въ комъ бы то ни было? Никто не можетъ за тебя рѣшать, что ты можешь и долженъ, и чего не можешь и не долженъ дѣлать. И человѣкъ всегда отвѣтственъ за то, что онъ дѣлаетъ...

И потому нельзя повиноваться людямъ, если они велятъ тебѣ убивать людей. Если же ты повинуешься и убиваешь, то дѣлаешь это только изъ за своей выгоды, чтобы тебя не наказали. Такъ что, убивая по приказанію начальства, ты точно такой же убійца, какъ тотъ разбойникъ, который убиваетъ купца, чтобы ограбить его. Тотъ польстился на деньги, а ты на то, чтобы не быть наказаннымъ начальствомъ и получить награду. Человѣкъ всегда самъ отвѣчаетъ за свои поступки передъ Богомъ.

И никакая сила не можетъ, какъ этого хотятъ начальники, сдѣлать изъ живого человѣка мертвую вещь, которою можно помыкать, какъ вздумается. Христосъ научилъ людей тому, что они всѣ сыны Божіи, и потому христіанинъ не можетъ отдать свою совѣсть во власть другого человѣка, какимъ бы онъ ни назывался титуломъ: королемъ, царемъ, императоромъ. То же, что взявшіе надъ тобою власть люди требуютъ отъ тебя убійства братьевъ, показываетъ только то, что люди эти обманщики и что поэтому не надо повиноваться имъ. Постыдно положеніе блудницы, которая всегда готова отдать на осквернение свое тѣло тому, на кого указываетъ ей хозяинъ, но еще постыднѣе положеніе солдата, всегда готоваго на величайшее преступленіе — на убійство всякаго человѣка, на котораго только укажетъ начальникъ.

И потому, если ты дѣйствительно хочешь поступать по Божьи, то тебѣ надо сдѣлать одно: сбросить съ себя постыдное и безбожное званіе солдата и быть готовымъ перенести всѣ страданія, которыя они будутъ налагать на тебя за это...

2. Офицерская памятка.

Употребленіе войскъ противъ народа сдѣлалось не только обычнымъ явленіемъ, но войска уже впередъ формируются такъ, чтобы быть готовыми для этого своего употребленія. Правительство не скрываетъ того, что распредѣленіе рекрутовъ по частямъ дѣлается умышленно такое, чтобы солдаты никогда не были взяты изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они стоятъ. Дѣлается это съ цѣлью, чтобы солдатамъ не пришлось стрѣлять въ своихъ родныхъ...

Кромѣ того въ прежнія времена, если войска и употреблялись противъ людей изъ народа, то тѣ, противъ кого они употреблялись, были, или по крайней мѣрѣ считались, злодѣями, готовыми убивать и разорять смирныхъ жителей и которыхъ поэтому для общаго блага полагали нужнымъ уничтожать. Теперь же всѣ знаютъ, что тѣ, противъ кого высылаются войска, большею частью смирные, трудолюбивые люди, желающіе только безпрепятственно пользоваться плодами своихъ трудовъ. Такъ что главное и постоянное употребленіе войскъ въ наше время состоитъ уже не въ воображаемой защитѣ отъ невѣрныхъ и вообще внѣшнихъ враговъ и не отъ злодѣевъ бунтовщиковъ, враговъ внутреннихъ, а въ томъ, чтобы убивать своихъ безоружныхъ братьевъ, которые вовсе не злодѣи, а смирные, трудолюбивые люди, желающіе только, чтобы у нихъ не отнимали того, что они зарабатываютъ. Такъ что военная служба въ наше время, когда главное назначеніе ея въ томъ, чтобы угрозой убійства и убійствомъ удерживать порабощенныхъ людей въ тѣхъ несправедливыхъ условіяхъ, въ которыхъ они находятся, — уже не только не благородное, но прямо подлое дѣло.

И потому офицерамъ, служащимъ теперь, необходимо подумать о томъ, кому они служатъ, и спросить себя, хорошо или дурно то, что они дѣлаютъ?

Знаю я, что есть много офицеровъ, въ особенности изъ высшихъ чиновъ, которые разными разсужденіями на тему о православіи, самодержавіи, цѣлости государства, неизбѣжности всегдашней войны, необходимости порядка, несостоятельности соціалистическихъ бредней и т. п. стараются доказать самимъ себѣ, что дѣятельность ихъ разумна, полезна и не имѣетъ въ себѣ ничего безнравственнаго. Но они въ глубинѣ души сами не вѣрятъ въ то, что говорятъ, и чѣмъ они умнѣе и чѣмъ старше дѣлаются, тѣмъ меньше вѣрятъ въ это.

Помню, какъ радостно поразилъ меня мой пріятель и сослуживецъ, очень честолюбивый человѣкъ, всю жизнь свою посвятившій военной службѣ и достигшій высшихъ чиновъ и отличій (генералъ-адъютанта и генерала артиллеріи), когда онъ сказалъ мнѣ, что сжегъ свои записки о войнахъ, въ которыхъ участвовалъ, потому что измѣнилъ свой взглядъ на военное дѣло и всякую войну считаетъ теперь дурнымъ дѣломъ, которое надо не поощрять, занимаясь имъ, а, напротивъ, всячески дискредитировать. Многіе офицеры думаютъ такъ же, хотя и не говорятъ этого, пока служатъ...

Когда мы видимъ обученныхъ звѣрей, которые исполняютъ противное ихъ природѣ: собаки ходятъ на переднихъ лапахъ, слоны вертятъ бочки, тигры играютъ со львами и т. п. — мы знаемъ что все это достигнуто мученіями голода, арапника и раскаленнаго желѣза. То же самое мы знаемъ, когда видимъ людей, которые въ мундирахъ съ ружьями замираютъ въ неподвижности или дѣлаютъ въ разъ одно и то же движеніе, бѣгаютъ, прыгаютъ, стрѣляютъ, кричатъ и т. п., вообще производятъ тѣ красивые смотры и маневры, которыми такъ любуются и хвалятся другъ передъ другомъ императоры и короли. Нельзя вытравить изъ человѣка все человѣческое и довести его до состоянія машины, не мучая его, и мучая не просто, а самымъ утонченнымъ, жестокимъ образомъ, вмѣстѣ мучая и обманывая.

И это все дѣлаете вы — офицеры. Въ этомъ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, когда вы идете на настоящую войну, состоитъ вся ваша служба, отъ высшихъ чиновъ до низшихъ...

Вы говорите часто, что служите потому, что если бы вы не служили, то нарушился бы существующій порядокъ, произошли бы смуты и всякаго рода бѣдствія.

Но, во-первыхъ, неправда то, что вы озабочены поддержаніемъ существующаго порядка: вы озабочены только своими выгодами.

Во-вторыхъ, если бы даже воздержаніе ваше отъ военной службы и нарушило существующій порядокъ, то это никакъ бы не доказывало, что вамъ надо продолжать дѣлать дурное дѣло, а только то, что порядокъ, разрушающійся отъ вашего воздержанія — долженъ быть уничтоженъ. Если бы существовали самыя полезныя учрежденія: больницы, школы, богадѣльни, содержимыя на доходы съ домовъ терпимости, то вся польза, приносимая этими благотворительными учрежденіями, никакъ не могла бы удержать въ ея положеніи женщину, желающую освободиться отъ своего постыднаго ремесла.

„Я не виновата, — скажетъ женщина, — что вы устроили свои благодѣтельныя учрежденія на развратѣ. Я не хочу болѣе быть развратной, а до вашихъ учрежденій мнѣ дѣла нѣтъ". То же долженъ сказать и всякій военный, если ему будутъ говорить о необходимости поддерживать существующій порядокъ, основанный на его готовности къ убійству. „Устройте общій порядокъ такъ, чтобы для него не нужно было убійства", долженъ сказать военный, „и я не буду нарушать его. Я только не хочу и не могу быть убійцей"...

3. Письмо къ фельдфебелю.

...Правительству и всѣмъ тѣмъ лицамъ высшихъ сословій, примыкающимъ къ правительству и живущимъ чужими трудами, нужно имѣть средства для властованія надъ рабочимъ народомъ; средство для этого есть войска. Защита отъ внѣшнихъ враговъ — только отговорка. Нѣмецкое правительство пугаетъ свой народъ русскими и французами, французское — пугаетъ нѣмцами, русское правительство пугаетъ свой — французами и нѣмцами, и такъ всѣ правительства; а ни нѣмцы, ни русскіе, ни французы не только не желаютъ воевать съ сосѣдями и другими народами, а живя съ ними въ мирѣ, пуще всего на свѣтѣ боятся войны. Правительства же и высшіе праздные классы для того, чтобы имѣть отговорку въ своемъ властованіи надъ рабочимъ народомъ, поступаютъ какъ цыганъ, который нахлещетъ за угломъ лошадь и потомъ дѣлаетъ видъ, что не можетъ удержать ее. Они раздразнятъ свой народъ и другое правительство, а потомъ дѣлаютъ видъ, что для блага или для защиты своего народа не могутъ не объявить войны, которая опять таки выгодна бываетъ для генераловъ, офицеровъ, чиновниковъ, купцовъ и, вообще, богатыхъ классовъ. Въ сущности же война только неизбѣжное послѣдствіе существованія войскъ; войска же нужны правительствамъ только для властвованія надъ своимъ рабочимъ народомъ...

Народъ задавленъ, ограбленъ, нищъ, невѣжественъ, вымираетъ. Отчего? Оттого, что земля въ рукахъ богачей, народъ закабаленъ на фабрикахъ, заводахъ, въ заработкахъ, потому что съ него дерутъ подати и сбиваютъ цѣну съ его работы и набиваютъ цѣну на то, что ему нужно. Какъ избавиться отъ этого? Отнять землю у богачей? Но если сдѣлать это, — придутъ солдаты, перебьютъ бунтовщиковъ и посадятъ въ тюрьмы. Отнять фабрики, заводы? Будетъ то-же. Выдержать стачку? Но это никогда не удается. Богачи дольше выдержатъ, чѣмъ рабочіе, войска будутъ всегда на сторонѣ капиталистовъ. Народъ никогда не выкрутится изъ той нужды, въ которой его держатъ, до тѣхъ поръ, пока войска будутъ во власти правящихъ классовъ.

Но кто же такіе тѣ войска, которые держатъ народъ въ этомъ порабощеніи? Кто тѣ солдаты, которые будутъ стрѣлять по крестьянамъ, завладѣвшимъ землей, и по стачечникамъ, если они не расходятся, и по контрабандистамъ, провозящимъ товары безъ подати, — которые будутъ сажать въ остроги и держать тамъ тѣхъ, которые откажутся платить? Солдаты — это тѣ самые крестьяне, у которыхъ отобрана земля, тѣ самые стачечники, которые хотятъ повысить свой заработокъ, тѣ самые плательщики податей, которые хотятъ избавиться отъ этихъ платежей...

Вопросъ въ томъ, какъ могутъ здравомыслящіе люди вѣрить, какъ вѣрили и вѣрятъ всѣ, теперь служащіе въ военной службѣ, такому очевидному обману? Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ томъ, что обманываются люди не однимъ этимъ обманомъ, а съ дѣтства подготовляются къ этому цѣлымъ рядомъ обмановъ, цѣлой системой обмановъ, которая называется православною вѣрою, и которая есть ничто иное, какъ самое грубое идолопоклонство. По этой, вѣрѣ люди обучаются тому, что Богъ — тройной, что кромѣ этого тройного Бога есть еще царица небесная, и кромѣ этой царицы еще угодники разные, тѣла которыхъ не сгнили, и кромѣ угодниковъ еще иконы боговъ и царицы небесной, которымъ надо ставить свѣчи и молиться руками, и что самое важное и святое на свѣтѣ — это та мурцовка, которую изъ вина и булки дѣлаетъ попъ по воскресеньямъ за перегородкой, — что послѣ того, какъ попъ надъ этимъ пошепчетъ, то вино будетъ не вино, и булка — не булка, а кровь и тѣло одного изъ тройныхъ боговъ и т. п. Все это такъ глупо, безсмысленно, что, нѣтъ никакой возможности понять, что все это значитъ, да и тѣ, которые преподаютъ эту вѣру, не велятъ понимать, а велятъ только вѣрить; и пріученные къ этому съ дѣтства люди вѣрятъ во всякую безсмыслицу, которую имъ скажутъ. Когда же люди такъ одурачены, что вѣрятъ въ то, что Богъ виситъ въ углу, или сидитъ въ кусочкѣ мурцовки, которую имъ попъ даетъ на ложечкѣ, что цѣловать доску или мощи и ставить къ нимъ свѣчи бываетъ полезно и для этой жизни, и для будущей, тогда ихъ зовутъ на службу и тамъ ужъ обманываютъ какъ

хотятъ, заставляя ихъ прежде всего клясться на евангеліи (въ которомъ запрещено клясться), что они будутъ дѣлать то самое, что запрещено въ этомъ евангеліи, и потомъ, обучая ихъ тому, что убивать людей по приказанію начальства не грѣхъ, а грѣхъ не повиноваться начальству и т. п.

Такъ что обманъ солдатъ въ томъ, что имъ внушается то, что можно безъ грѣха убивать людей по приказанію начальства, не стоитъ отдѣльно, а связанъ съ цѣлой системой обмановъ, безъ которыхъ этотъ обманъ былъ бы недѣйствителенъ...

4. О Трансваальской войнѣ.

Если два человѣка, напившись пьяны въ трактирѣ, подерутся за картами, я никакъ не рѣшусь осуждать одного изъ нихъ, какъ бы убѣдительны ни были доводы другого. Причины безобразныхъ поступковъ того или другого лежатъ никакъ не въ справедливости одного изъ нихъ, а въ томъ, что вмѣсто того, чтобы спокойно трудиться или отдыхать, они нашли нужнымъ пить вино и играть въ карты въ трактирѣ. Точно также, когда мнѣ говорятъ, что въ какой бы то ни было разгорѣвшейся войнѣ исключительно виновата одна сторона, я никогда не могу согласиться съ этимъ. Можно признать, что одна изъ сторонъ поступаетъ болѣе дурно, но разборка о томъ, которая поступаетъ хуже, никакъ не объяснитъ даже самой ближайшей причины того, почему происходитъ такое страшное, жестокое и безчеловѣчное явленіе, *какъ война*. Причины эти для всякаго человѣка, который не закрываетъ глазъ, совершенно очевидны, какъ теперь въ Трансваальской войнѣ, такъ и во всѣхъ войнахъ, которыя были въ послѣднее время. Причинъ этихъ три: 1) *неравное распредѣленіе имуществъ, т. е. ограбленіе однимъ людьми другихъ*, — 2) существованіе военнаго сословія, т. е. людей воспитанныхъ и предназначенныхъ для убійства, и — 3) ложное, большею частью сознательно обманное религіозное ученіе, въ которомъ насильственно воспитываются молодыя поколѣнія. И потому я думаю, что не только безполезно, но и вредно видѣть причину войнъ въ Чэмберленахъ, въ Вильгельмахъ и т. п., скрывая этимъ отъ себя дѣйствительныя причины, которыя гораздо ближе и въ которыхъ мы сами участвуемъ. На Чэмберленовъ и Вильгельмовъ мы можемъ только сердиться и бранить ихъ; но наше сердце и брань только испортятъ намъ кровь, но не измѣнятъ хода вещей. Чэмберлены и Вильгельмы суть слѣпыя орудія силъ, лежащихъ далеко позади нихъ. Они поступаютъ такъ, какъ должны поступать и какъ не могутъ поступать иначе. Вся исторія есть рядъ точно такихъ же поступковъ всѣхъ политическихъ людей—какъ Трансваальская война, и потому сердиться на нихъ и осуждать ихъ совершенно безполезно и даже невозможно, когда видишь истинныя причины ихъ дѣятельности и когда чувствуешь, что ты самъ виновникъ той или другой ихъ дѣятельности, смотря по тому, какъ ты относишься къ тремъ основнымъ причинамъ, о которыхъ я упомянулъ. До тѣхъ поръ, пока мы будемъ пользоваться исключительными богатствами въ то время, какъ массы народа задавлены трудомъ, всегда будутъ войны за рынки, за золотые пріиски и т. п., которые намъ нужны для того, чтобы поддерживать наше исключительное богатство. Тѣмъ болѣе неизбѣжны будутъ войны до тѣхъ поръ, пока мы будемъ участвовать въ военномъ сословіи, допускать его существованіе—не бороться всѣми силами противъ него. Мы сами или служимъ въ военномъ сословіи, или признаемъ его не только необходимымъ, но похвальнымъ и потомъ, когда возникаетъ война, осуждаемъ въ ней какого нибудь Чэмберлена и т. п. Главное же, будетъ война до тѣхъ поръ, пока мы будемъ не только исповѣдывать, но безъ негодованія и возмущенія допускать то извращеніе христіанства, которое называется церковнымъ христіанствомъ и при которомъ возможно христолюбивое воинство, благословеніе пушекъ и признаніе войны дѣломъ христіански справедливымъ. Мы учимъ этой религіи *нашихъ дѣтей*, сами исповѣдуемъ ее и потомъ говоримъ одни, что Чэмберленъ, а другіе, что Крюгеръ виноватъ въ томъ, что люди убиваютъ другъ друга. Вотъ поэтому то я и не согласенъ съ вами и не могу упрекать слѣпыя орудія невѣжества и зла, а вижу причины въ такихъ явленіяхъ, въ которыхъ я самъ могу содѣйствовать уменьшенію зла. Содѣйствовать братскому уравненію имуществъ, пользоваться въ наименьшей мѣрѣ тѣми преимуществами, которыя выпали на мою долю, *не участвовать ни съ какой стороны въ военномъ дѣлѣ*, разрушать тотъ гипнозъ, посредствомъ котораго люди, превращаясь въ наемныхъ убійцъ, думаютъ, что они дѣлаютъ благое дѣло, служа въ военной службѣ...

Л. Н. Толстой.

Къ товарищамъ.

Въ послѣднее время, непосредственно передъ выходомъ № 6 „Рабочаго Знамени“, женевской и цюрихской группами вновь былъ поднятъ вопросъ о необходимости реорганизаціи изданія „Р. З.“, съ требованіемъ передачи газеты въ руки коллектива.

Вслѣдствіе моего категорическаго отказа пойти навстрѣчу этому желанію, женевская группа прислала мнѣ слѣдующее заявленіе:

„Такъ какъ вы не согласны на предложеніе группы немедленно передать „Р. З.“ въ руки коллектива, то группа рѣшительно отказывается поддерживать (за исключеніемъ № 6) „Р. З.“ и обратится съ подобнымъ предложеніемъ къ другимъ группамъ и отдѣльнымъ товарищамъ“.

Заявленіе это мною было принято къ свѣдѣнію.

Вопросъ о коллективной Редакціи для „Р. З.“ поднимается не впервые, но каждый разъ я рѣшительно отказывался входить даже въ обсужденіе его.

„Рабочее Знамя“ было начато изданіемъ мною лично въ моментъ, когда я находилъ это наиболѣе необходимымъ, причемъ мною тогда-же было заявлено отдѣльнымъ товарищамъ по бывшей Издат. Группѣ и отдѣльнымъ группамъ, что Редакція газеты будетъ единоличной.

У меня были вѣскія причины настаивать на этомъ пунктѣ. Эти причины не исчезли и теперь. Во-первыхъ, у насъ имѣется очень печальный опытъ съ коллективными Редакціями, которыя, въ конечномъ счетѣ, въ большинствѣ случаевъ распадались либо вслѣдствіе принципіальныхъ разногласій, либо вслѣдствіе личныхъ недоразумѣній, и, распадаясь, губили то дѣло, которому онѣ должны были служить. Во-вторыхъ, я считаю, что настоящій моментъ наименѣе подходитъ для избранія коллективной Редакціи вслѣдствіе нашей разрозненности. Кромѣ того, я сейчасъ въ Швейцаріи не вижу, среди товарищей-литераторовъ, коллегъ, съ которыми можно было-бы вполнѣ гармонично сотрудничать въ редакціонной области. Пусть вспомнятъ товарищи хотя-бы о тѣхъ несогласіяхъ, которыя были вызваны отдѣльными статьями въ „Р. З.“, и пусть спросятъ себя, какова будетъ судьба „коллективной“ Редакціи уже на слѣдующій день послѣ ея сформированія и какія послѣдствія это повлечетъ за собою для газеты. Я лично нисколько не сомнѣваюсь, что пришлось-бы постоянно, для удовлетворенія той или другой стороны, вырабатывать „среднюю линію“, искать компромисса. Компромиссы-же, не говоря о томъ, что для нихъ теперь вообще не время, обезличили-бы газету. А обезличеніе для анархическаго органа равносильно политической смерти.

Поэтому, дорожа начатымъ дѣломъ, я считаю вреднымъ передавать сейчасъ газету тому или другому коллективу и, наоборотъ, считаю необходимымъ, впредь до созыва анархической Конференціи или Съѣзда, оставить за собою право единоличнаго редакторства. Само собою понятно, что въ газетѣ будутъ помѣщаться и статьи, носящія дискуссіонный характеръ, причемъ такія статьи, какъ это постоянно дѣлалось мною до сихъ поръ, будутъ сопровождаться редакціонными примѣчаніями.

Я былъ вынужденъ сдѣлать настоящее заявленіе ввиду угрозы женевской группы обратиться къ другимъ группамъ съ предложеніемъ впредь не поддерживать „Р. З.“ и еще для того, чтобы разъ навсегда заявить, что Редакція „Р. З.“ до созыва Конференціи останется, какъ и была, единоличной. Политическій отчетъ за веденіе „Р. З.“ также будетъ представленъ мною только Конференціи.

Я не сомнѣваюсь, что товарищи—рабочіе, исключительно для которыхъ предназначается „Р. З.“ и которые его поддерживаютъ, поймутъ причины, вынудившія меня сдѣлать настоящее заявленіе, и дадутъ должный отпоръ возможнымъ и впредь дезорганизаторскимъ покушеніямъ, откуда-бы таковыя ни исходили.

Александръ Ге.

Кассовый отчетъ до № 6 „Рабочаго Знамени“.

Приходъ.	фр.
Оставалось въ кассѣ	86.80
Черезъ „Голосъ Труда“	43.—
Тоже	34.25
Отъ С. Р. Р. въ С. Франциско	5.15
Тоже	6.45
Отъ С. Р. Р. въ Детройтѣ	15.45
Тоже	91.95
Отъ т. М., въ Шо-де-Фонъ	5.—
Отъ С. Р. Р. въ Сеттлѣ	10 30
Отъ т. Р.-К., въ Шо-де-Фонъ	3.—
Отъ т. Лены за проданные №№	2.10
Отъ т. Нѣмчинова, въ Ливерпулѣ	7.50
Тоже	9.60
Тоже	22.60
Отъ т. Рымденко, въ Ливерпулѣ	7.30
Тоже	6.10
Отъ т. Боривина, въ Мельбурнѣ, Австралія (черезъ т. Н. Р.)	12.—
Отъ Анархическаго Краснаго Креста въ Нью-Іоркѣ	203.—
Отъ Лондонской группы „Вольная Воля“ черезъ Яшу	113.60
Отъ т. Іерна, Лэчвордъ	6.10
Отъ С. Р. Р. въ Нью-Іоркѣ	51.50
Тоже „ въ Чикаго	4.65
Тоже „ въ Филадельфіи	10.—
Тоже „ въ Балтиморѣ	41.20
Спеціальный Фондъ (см. прошлый отчетъ)	6.—
Вновь поступило въ Спец. Фондъ отъ т. М., Шо-де-Фонъ	5.—
Всего	809.60

Расходъ.	фр.
Организаціонные расходы	26.10
Канцелярскіе расходы	11.50
Экстренный расходъ	34.—
Почтово-телегр. расходы и Экспедиція	81.75
По счету типографіи за № 5	225.—
Всего	378.35
Остается въ кассѣ	431.25

Подписной листъ

въ пользу Библіотеки Группы Русскихъ Рабочихъ въ Ливерпулѣ.

Приходъ.	ф.	шил.	пенс.
Т. Самсоновъ	—	10	—
Rinder	—	1	—
Троцкій	—	10	—
Михаилъ	—	5	—
Панчукъ	—	2	—
Квасюкъ	—	5	—
N. N.	—	4	—
T. T.	—	5	—
S. Pusiru	—	5	—
О. Скуковскій	—	1	—
Б. Ливщицъ	—	—	6
А. Позинъ	—	1	—
Квасюкъ	—	5	—
Е. Долбикъ	—	1	—
R. Entin	—	1	—
	2	16	6

Расходъ.

Въ „Набатъ“	—	6	—
Въ Анарх. Красный Крестъ въ Нью-Іоркѣ	—	5	—
Въ „Голосъ Труда“	—	5	—
Въ „Рабочее Знамя“ (для спеціальнаго фонда)	2	—	—
Почтовые расходы	—	—	6
	2	16	6

Въ Ливерпулѣ все пришлось ликвидировать „по независящимъ обстоятельствамъ“.

Тимофей Самсоновъ.

Вновь появились и имѣются на складѣ слѣдующія брошюры:

Alexandre Ghè: Lettre ouverte à P. Kropotkine, 10 c.

Александръ Ге: Бакунинъ и Марксъ (Личныя характеристики). 20 сант.

Чистый доходъ отъ этихъ изданій поступитъ въ пользу „Рабочаго Знамени“.

Выписывать черезъ Редакцію „Р. З“.

Адресъ для корреспонденціи и денежныхъ переводовъ:
E. Held, B-d de la Cluse, 39 **Genéve** pour Rab. Znamia.

Editeur responsable E. Held B-d de la Cluse, 39. Genéve.

Imprimerie de Davos S.-A. Davos-Platz.

Товарищи! Обратите вниманіе на новый адресъ!

Духъ разрушающій
есть духъ созидающій.

Освобожденіе рабочихъ —
дѣло самихъ рабочихъ.

Къ рабочимъ и солдатамъ всѣхъ странъ.

„Истина — не абстракція и не продуктъ личнаго произвола, а только наиболѣе логичное выраженіе тѣхъ началъ, которыя живутъ и дѣйствуютъ въ массахъ. Массы иногда, по близорукости и невѣжеству, отвлекаются въ сторону отъ столбовой дороги, ведущей прямо къ ихъ цѣли, и нерѣдко становятся въ рукахъ правительства и привиллегированныхъ классовъ орудіемъ для достиженія цѣлей, рѣшительно противныхъ ихъ существеннымъ интересамъ“.

М. Бакунинъ.

Два года длится междуусобное взаимоистребленіе рабочихъ, инсценированное международной буржуазіей, которая борется за рынки и міровое экономическое преобладаніе.

Широкія народныя массы, втянутыя въ войну, опять одурачены самымъ безстыднымъ образомъ: ихъ увѣрили, что они, защищая свое отечество, защищаютъ принципъ національности, свободу и культуру.

Это — явная неправда.

Національность — не принципъ, а законный фактъ, какъ индивидуальность. Всякая національность имѣетъ право на свободное существованіе рядомъ съ другими и ни одна не имѣетъ права идти войною на другую, угнетать ее.

Демократическая культура — химера. Пока существуетъ капиталистическій строй, политическое равенство является лишь лицемѣрнымъ прикрытіемъ экономическаго угнетенія. Это — равенство въ рабствѣ. Это — демагогія, преобладаніе грубой силы надъ верховнымъ принципомъ свободы. Рабочимъ не нужно равенства въ рабствѣ, имъ нужна свобода въ равенствѣ.

Также ложь, будто бы у рабочихъ есть отечество. Капиталистическій правопорядокъ, всюду одинаково сопровождающійся эксплуатаціей рабочаго труда, уничтожилъ всѣ національныя отличія пролетаріевъ. Защищая свое современное „отечество“, рабочій защищаетъ лишь свои цѣпи, свое рабство.

Со времени Перваго Интернаціонала настоящая война является вторымъ крупнымъ событіемъ этого рода, потрясающимъ Европу.

Первымъ была франко-прусская война. За нѣсколько дней до ея объявленія парижская секція Интернаціонала обратилась къ нѣмецкимъ рабочимъ съ Воззваніемъ, въ которомъ говорилось:

„Братья — нѣмцы! Во имя мира, не слушайтесь подкупленныхъ и рабскихъ голосовъ, которые хотятъ обмануть васъ относительно истиннаго настроенія во Франціи. Останьтесь глухи къ безстыдной провокаціи, ибо война между нами была-бы войною братоубійственной. Оставайтесь спокойными, какъ можетъ быть спокойнымъ, не компрометтируя своего достоинства, сильный и храбрый великій народъ. Наши войска привели бы, съ обѣихъ сторонъ Рейна, лишь къ тріумфу деспотизма“.

Берлинская секція Интернаціонала отвѣтила:

„Воодушевленные братскимъ чувствомъ, мы протягиваемъ вамъ наши руки и какъ честные люди, не умѣющіе лгать, заявляемъ, что въ сердцахъ нашихъ нѣтъ ни малѣйшей національной ненависти и что мы, лишь подчиняясь силѣ и противъ нашего желанія, входимъ въ военные отряды, которые наполнятъ несчастіемъ и разореніемъ мирныя поля нашихъ странъ“.

Мы видимъ на этомъ примѣрѣ, что въ августѣ 1914 г. повторилась исторія іюля 1870 г. Французскій пролетаріатъ, проникнутый интернаціоналистскими идеями Революціи, выступаетъ противъ войны. Нѣмецкій же пролетаріатъ, руководимый развѣденными марксистскимъ поссибилизмомъ вожаками, рабски подчиняется своимъ правящимъ классамъ.

Франко-прусская война, подготовленная и провоцированная Бисмаркомъ, была объявлена Наполеономъ III, попавшимся въ ловушку желѣзнаго канцлера.

Когда, послѣ ея объявленія, германское правительство, 21 іюля 1870 г., потребовало отъ Рейхстага вотированія военнаго займа, Бебель и Либкнехтъ не голосовали противъ, а только воздержались, заявивъ при этомъ:

„Мы не можемъ голосовать въ пользу военнаго займа, потому что этимъ мы вотировали бы довѣріе прусскому правительству, которое своимъ поведеніемъ въ 1866 г. подготовило настоящую войну. Но мы не можемъ голосовать и противъ военнаго займа, ибо такое голосованіе могло-бы быть истолковано какъ одобреніе нелояльной и преступной политики Наполеона“.

Самъ Марксъ, отъ имени Генеральнаго Совѣта Интернаціонала въ Лондонѣ, опубликовалъ манифестъ, въ которомъ онъ съ одной стороны взваливалъ вину за войну на Пруссію, а съ другой стороны констатировалъ, что для Германіи война — оборонительная.

Этимъ онъ дѣлалъ то, что и послѣ впродолженіе почти полстолѣтія не переставала дѣлать международная соціальдемократія: съ революціонной фразой на устахъ толкать пролетаріатъ на путь пособничества своей національной буржуазіи.

Первый Интернаціоналъ вмѣщалъ въ себѣ цѣлый рядъ различныхъ политическихъ идеологій, но главная борьба въ немъ происходила между двумя группировками, изъ которыхъ одна исповѣдывала анархическія теоріи Михаила Бакунина, а другая — государственный соціализмъ Карла Маркса.

Идейная реакція, послѣдовавшая послѣ франко-прусской войны и пораженія Коммуны, привела къ торжеству нѣмецкой школы, — государственнаго соціализма. Въ концѣ 80-хъ годовъ мѣсто Перваго Интернаціонала занялъ Второй, — Интернаціоналъ не грозной классовой борьбы противъ Капитала и Власти, а лживой, преступной демократіи, принявшей названіе „соціальной“. Соціальдемократія никогда не вела народы къ послѣднему возстанію за освобожденіе отъ оковъ *экономическаго* рабства, а лишь учила ихъ подобострастному преклоненію передъ фикціей — буржуазной *политической* свободой въ нѣдрахъ капиталистическаго — же общества.

Второй Интернаціоналъ, выросшій на развалинахъ разбитой Коммуны, десятки лѣтъ ожесточенно боролся противъ революціонныхъ завѣтовъ и революціоннаго духа рабочаго класса. Его линія политическаго поведенія заключалась въ слѣдующемъ: Вмѣсто революціонной борьбы непосредственно противъ Капитала — благожелательное сотрудничество пролетаріата съ буржуазіей во имя постепеннаго развитія политическаго прогресса. Вмѣсто революціоннаго ниспроверженія Власти, охраняющей капиталистическій строй, — подобострастное преклоненіе передъ Государствомъ, яко-бы охраняющимъ общенародные интересы. Вмѣсто борьбы противъ милитаризма — вотированіе военныхъ бюджетовъ, ибо безъ милитаризма невозможно существованіе Государства. Вмѣсто отрицанія всякихъ войнъ — искусственное дѣленіе ихъ на оборонительныя и наступательныя.

Второй Интернаціоналъ является самымъ крупнымъ преступникомъ по отношенію къ рабочему классу, ибо онъ повсемѣстно пропиталъ рабочій классъ лживыми буржуазными предразсудками и навѣялъ на него *гипнозъ Государственности*. Съ лицемѣрными фразами о международной рабочей солидарности на устахъ, онъ воспиталъ въ рабочихъ буржуазно-національный духъ и преимущественную любовь къ *своему* отечеству. А любовь къ своему отечеству, какъ болѣе высокой матеріальной и духовной цѣнности, чѣмъ чужія отечества, противорѣчитъ интернаціональной солидарности и исключаетъ ее.

Сегодня, въ этотъ трагическій часъ, человѣчество пожинаетъ плоды этой преступной пропаганды. Народныя массы, проникнутыя гипнозомъ Государственности, всюду почти безропотно милитаризировались для защиты своихъ, установленныхъ дипломатическими трактатами, отечествъ.

Повсемѣстный народный патріотизмъ, проявленный массами вначалѣ войны, — несомнѣнный фактъ. Этотъ фактъ знаменуетъ собою фатальное отступленіе трудящихся отъ ихъ исторической задачи. Онъ вытекаетъ изъ жившаго въ массахъ *государственническаго сознанія*. Наличность государственническаго сознанія явилась той

единственной психологической предпосылкой, которая сдѣлала для правительствъ и буржуазіи возможнымъ использованіе широкихъ трудящихся массъ для цѣлей, рѣшительно противныхъ ихъ интересамъ, — ихъ вовлеченіе въ братоубійственную войну.

Въ настоящее время массы уже начинаютъ пробуждаться отъ охватившаго ихъ военнаго безумія. Народное недовольство всюду растетъ. Оно проявляется вездѣ, но главнымъ образомъ въ Германіи, какъ странѣ, наиболѣе пострадавшей экономически. Объ этомъ свидѣтельствуютъ частые бунты, въ которыхъ принимаютъ участіе также отпускные солдаты и противъ которыхъ правительству приходится примѣнять военные батальоны, первоначально предназначавшіеся для отраженія внѣшняго врага.

Катастрофальное военное бѣдствіе, обрушившееся на всѣ пять частей свѣта, совершенно очевидно приближается къ концу.

Но каковъ будетъ конецъ его?

Это будетъ зависѣть отъ васъ, рабочіе.

Растущее народное негодованіе заставило часть соціальдемократіи задуматься надъ нѣкоторыми положеніями своей программы и тактики. Но эта „переоцѣнка цѣнностей“ лишь съ еще большей очевидностью выявила ея закоренѣлость въ націоналистическихъ предразсудкахъ, ея трусость передъ всесильной буржуазіей и ея лицемѣріе передъ пролетаріатомъ.

Правая часть соціальдемократіи все еще продолжаетъ послушно плестись въ хвостѣ правительствъ, лѣвая же часть ихъ созвала двѣ международныхъ Конференціи — въ Циммервальдѣ и Кинталѣ.

Взваливая вину за международную бойню, которую они сами санкціонировали раньше своимъ вотумомъ въ парламентахъ, на господствующіе классы, господа лѣвые соціалисты теперь призываютъ народы къ прекращенію ея подъ лозунгомъ „ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ“. Они требуютъ немедленнаго заключенія мира „безъ аннексій“, предполагая миръ, заключенный *правительствами*. Они тоже призываютъ народы къ возстанію, но не къ возстанію за полное освобожденіе труда, а во имя *возстановленія* политической свободы (*возстановить*-же можно лишь то, что уже было) и буржуазныхъ *законовъ* по охранѣ труда. Говоря съ одной стороны о необходимости прекращенія сотрудничества соціалистовъ съ капиталистическими правительствами (но не съ возлюбленной буржуазіей!), — сотрудничества, которое они практиковали втеченіе десятилѣтій, — они съ другой стороны призываютъ рабочихъ *оказать давленіе на депутатовъ, на парламенты и правительства!*

Рабочіе, работницы, солдаты!

Не слѣдуйте за циммервальдцами, — они трусливые и играющіе въ политику лицемѣры! Подъ прикрытіемъ революціонной фразы, какъ они дѣлали это всегда, они и этотъ разъ призываютъ васъ лишь къ возстановленію стараго порядка и старыхъ методовъ. У нихъ нѣтъ ни смѣлости, ни желанія призвать васъ къ Соціальной Революціи, къ рѣшительному выступленію противъ Капитала и Власти. Они, въ глубинѣ души, боятся Соціальной Революціи, боятся соціально-революціоннаго выступленія народныхъ массъ и, прикрываясь красивой фразой, продолжаютъ бороться противъ революціоннаго духа трудящихся классовъ.

Рабочіе всѣхъ странъ!

Вспомните золотыя слова Бакунина:

„Всякое централизованное Государство, какимъ-бы либеральнымъ оно ни являлось, хотя-бы даже оно носило республиканскую форму, по необходимости угнетатель, эксплуататоръ народныхъ массъ въ пользу привиллегированнаго класса. Ему необходима армія, чтобы сдерживать эти массы, а существованіе этой вооруженной силы подталкиваетъ его къ войнѣ... *Всеобщій миръ будетъ невозможенъ, пока существуютъ нынѣшнія централизованныя Государства*“.

Сварѣпствующая сейчасъ международная бойня съ наглядностью подтвердила правильность этой — и только этой — концепціи. Буржуазныя Государства всѣхъ странъ одинаково обязаны поддерживать милитаризмъ и вести имперіалистическія, захватныя войны, чтобы обезпечить своей буржуазіи новые рынки сбыта и экономическое преобладаніе. Республиканскія и конституціонно-демократическія страны не менѣе имперіалистичны и милитаристичны, чѣмъ страны монархическія. Зло *не въ формѣ* Государства, а *въ фактѣ* его существованія, какъ необходимаго оплота буржуазнаго правопорядка.

Рабочіе всѣхъ странъ!

Не слушайтесь лицемѣрныхъ призывовъ соціалистовъ-государственниковъ! Ихъ преступная пропаганда уже привела васъ не однажды къ самоотрицанію и самопожертвованію въ пользу правящихъ классовъ.

Не требуйте дипломатическаго, т. е. *правительственнаго* мира, — безразлично съ аннексіями или безъ нихъ, — не пытайтесь оказывать давленіе на ваши правительства, на парламенты и депутатовъ.

Миръ, заключенный дипломатами, миръ правительственный, хотя-бы даже онъ былъ заключенъ подъ сильнымъ народнымъ давленіемъ, ничего не дастъ вамъ. Онъ не ослабитъ стараго порядка. Онъ не избавитъ васъ отъ экономическаго гнета. Онъ не уничтожитъ милитаризма, ибо буржуазныя Государства не могутъ существовать безъ поддержки войскъ. Слѣдовательно, онъ не избавитъ васъ и отъ войнъ въ будущемъ.

Рабочіе всѣхъ странъ, солдаты!

Возстаньте дружно противъ Капитала, противъ всѣхъ правительствъ. Выбросьте вмѣстѣ съ правительствами всѣхъ вашихъ парламентскихъ депутатовъ съ министерскими портфелями и безъ таковыхъ! Опрокиньте всѣ парламенты! Разрушьте всѣ Церкви, гдѣ нанятые правительствами лживые проповѣдники призываютъ васъ къ убійству вашихъ братьевъ.

Лозунгъ циммервальдцевъ — не вашъ. Соціалисты-государственники опять готовятся совершить предательство, сдѣлавъ васъ орудіемъ той части буржуазіи, которая устала отъ войны.

Вашъ лозунгъ только одинъ:

Долой войну!

Долой капиталистическое общество со всѣми его прислужниками, — съ его парламентами, политиканами, попами и войсками!

Да здравствуетъ свободная Федерація свободныхъ отъ экономическаго и политическаго рабства народовъ!

Рабочіе и Солдаты!

Война въ любой моментъ *можетъ* быть прекращена вами, если вы захотите этого. Какъ война повсемѣстно нарушаетъ правильное функціонированіе труда, такъ прекращеніе работы, всеобщая стачка, можетъ однимъ ударомъ пріостановить войну, сдѣлавъ для правительствъ невозможнымъ продолженіе ея.

Вы не цѣните своихъ жизней. Вы сейчасъ всюду жертвуете ими для чуждаго и враждебнаго вамъ дѣла, для угнетающей васъ буржуазіи. Для нея-же ваши жены и дѣти умираютъ съ голоду.

Почему-же не жертвуете вы собою для полнаго освобожденія васъ самихъ и вашихъ братьевъ отъ позорнаго вѣкового рабства Капитала и Власти?

Перестаньте безсмысленно истреблять другъ друга!

Поверните орудія и ружья противъ врага въ собственной странѣ, противъ вашихъ вѣчныхъ угнетателей, и соединитесь во имя общаго блага, во имя братства всего человѣчества!

Только рабъ имѣетъ право идти войною на своего господина!

Осуществите-же это ваше священное право, возстаньте! Возстаньте за свободу, за равенство, за экономическое освобожденіе!

Смерть буржуазному строю!

Смерть Государству и Церкви!

Да здравствуетъ свобода въ равенствѣ, свободная Федерація освободившихся народовъ!

Да здравствуетъ Анархія!